

В доме Анастасии Ивановны все по старинке. Переступая порог, словно окунаешься в патриархальное прошлое, где люди жили попросту, без каких-либо изысков – даже электричество до сих пор заменяют свечи да лампа керосиновая. В остальном тоже все очень скромно. Но насколько же богата душой сама хозяйка, как и ее брат, отец Петр, смиренно сносившая удары судьбы! Даже о трагических событиях из истории своей семьи Анастасия Ивановна рассказывает спокойно, без ожесточения, считая, что каждому человеку судьба посылает испытания, которые следует переносить достойно, не озлобляясь сердцем.

В этом небольшом, потихоньку ветшающем доме, где Анастасия Ивановна на протяжении долгих лет жила со своим братом, иереем Петром Мухортовым, нет ни одной фотографии. Не любили они этого, жили тихо, не на показ. Вот другим людям старались помочь по мере сил: и советом добрым, и делом. К тому с малых лет приучены были матерью, женщиной глубоко верующей, воспитывавшей детей в строгости. Скромные во всем, что касается быта, они всегда умели довольствоваться малым, считая греховным хоть в чем-то завидовать окружающим. Однако историю своего рода – рода первых переселенцев, стоявших у истоков основания Атемара, Анастасия Ивановна хранит трепетно. С затаенной ноткой гордости, если в разговоре речь об этом зайдет, обязательно упомянет: «Наша фамилия «идет» с начала Атемара. Как приехали из Москвы переселенцы, дабы охранять засечную черту от врагов, так и остались здесь... Мухортовы, Полхановы, а вот фамилию третьей семьи уже не упомяну, забылось со временем»... Так было и в тот день, когда мы пришли навестить ее, чтобы побольше узнать об истории этой семьи, об ее брате, отце Петре Мухортове.

Положив на аккуратно застеленный клеенкой стол натруженные, покрытые глубокими морщинами руки, Анастасия Ивановна, задумавшись, умолкает. Словно окунается в далекое прошлое, о котором знает понаслышке от родственников да старожилов Атемара. Вспоминает историю своей семьи, тесно переплетенную с историей родного села.

- В нашем селе барина отродясь не было, Атемар был «при государстве», оборонная линия тут проходила. Монастырь построили, но он долго не устоял, его в Саранск перенесли. Осталось лишь поле «монастырское» в «монаховом лесу». Но хлеб сеяли там простые крестьяне. Мама моя, Матрена Васильевна, маленькая еще совсем была, когда землю ту атемарцы брали в аренду и засеивали. Потом польцо то заросло березками, и там полно ягод земляники поспевало летом. Я в детстве бегала туда лакомиться сладкой ягодой. Других-то лакомств мы особо и не знали: у родителей нас было восемь детей, трое, правда, умерли. Но все равно, семья была большая. Отец в поте лица трудился, чтобы нас прокормить. Он на все руки мастером был: ковачник отменный,

кузнец на всю округу. К нему все шли, лошадей тогда многие держали, да и так, по хозяйству что спонадобится. Беда пришла, как начались колхозы. Родители мои не хотели идти в колхоз, а отца силком загоняли, кузнец - то в колхозе нужен был. Отобрали корову, так, видно, решили: мать будет его уговаривать вступить в колхоз, чтобы корову - кормилицу вернули. А она тоже ни в какую! Тогда отца вызвали в сельский Совет будто бы проверять военный билет. Оттуда он вернулся без него. Говорит: «Отобрали! Только вот справку выдали...» В справке той отцу написали: «Колхозник». Мама его ругала, ругала, что билет отдал, словно, не хорошее предчувствовала, но что же он-то мог поделывать? Тогда в Атемаре так говорили: «Сначала красная сватья придет это еще не беда, а вот когда за ней красная метла в дверь постучит, это уж страшно!» Красной сватьей называли тех, кто агитировал вступать в колхоз, но у нас многие, привыкнув жить по старинке, не хотели перемен, боялись их. Тогда к ним в дом приходила «красная метла»... И дом, и имущество отбирали. Трудные были времена. Я смутно помню, как выселяли семью соседей, Марушкиных, кажется. Дом отдали под школу, а самих увезли куда-то. Никто не вернулся. У Ворониных тоже много родни пропало, как и не было людей... И по нашей семье «красная метла» прошла: из дома вынесли все, что можно было. Стены да кровати деревянные оставили, покрытые пеструшками. Пеструшки – это сделанные из хлопьев пряжи, как рогожки, - на кровать накидывать вместо одеяла. Все тогда в домах было своерушно, самими сделанное. Пряли из поскони и конопли. Из конопли еще и масло делали, оно зеленого цвета было. О том, что из конопли наркотики делают, тогда и не ведали. Да и слова - то такого – «наркотики» мы не знали... Конечно, для прядения посконь лучше была. Ее на луговине расстелют, полежит на земле, потом - в мятьцу. Изомнут, костерица и отлетит, истолкут, она мягкая становится. Отец весь инструмент для этого сам делал, и прялки у него получались хорошие... Так вот, когда «красная метла» по селу ходила, отец как раз на кордоне заказ выполнял, колеса делал. За это ему дали немного проса. Принес домой, а тут гости незваные. Мама просо завернула в варежку и в печь спрятала. Пришли, посмотрели, ничего не нашли. Ушли было, а один вернулся, говорит: «Дайте руки обогреть у печки, замерз», и сунулся в печь, да и нашел ту варежку. Мама говорит ему: «Не трогай! У меня ведь дети малые...» А он отвечает: «У меня тоже дети» и забрал все. Сколько лет прошло, сцена эта до сих пор перед глазами. Почему - то запала сильно в душу... Кто тогда был прав, кто виноват, - Бог рассудит.

Еще помню, как мамино дядю Полханова репрессировали. Он вступил в колхоз вместе с сыновьями, работали на совесть, и когда начали трудодни считать, ему много зерна выдали. Радоваться бы, да и тут беда приключилась. Один из завистников спросил дядю: «Почему это тебе столько зерна дали?» А тот возьми да и ответь: «Работать надо! А у лодырей никогда ничего не будет!» Его и посадили с сыновьями вместе, за «лодыря». Это как раз накануне Покрова дня было. Церковь тогда еще действовала. Мама приходит оттуда и говорит: «Полхановых мужиков прямо из церкви забрали!» Когда началась война, отец все ждал повестки. А ему не несли и не несли, хотя мужиков, его ровесников, уже мобилизовали на фронт. Но однажды осенью за отцом пришли. Его вместе с несколькими инвалидами отправили в Ульяновск. Он все недоумевал, почему его с инвалидами вместе повезли, ведь он – то здоровый был! А в Ульяновске они должны были дожидаться поезда. Поезд подошел, один из вагонов открыли, а там на цепях гроб укреплен. Оказывается, из Мавзолея из Москвы вывезли

тело Владимира Ильича, боялись, что немцы могут войти в Москву. Так вот отец с инвалидами, которые оказались мастерами - плотниками, должен был сделать специальное укрытие для тела Ленина. Но, видимо, по каким-то причинам его вернули обратно в Москву...

Отец приехал домой и все ждал, что его призовут на фронт. Вместо этого к нам неожиданно нагрянули военные, отца объявили дезертиром, скрывающимся от мобилизации. Вот когда мы вспомнили про отнятый у него военный билет! Наверно, из-за этого все произошло, а, может, донос кто написал! Теперь уже не узнаешь. Мама вступилась за отца: «Вы что делаете, он все лето и всю осень ждал повестку, ничего не принесли. А теперь он дезертир?!» Но отца все равно забрали. Дали ему семь лет тюрьмы. В колонии он начал делать колодки для сапог. Они как на рисунке получались! Руки - то у отца золотые были! Потом для бойцов на фронте ложки деревянные делал. Начальство в колонии ценило его. Но тут мор пошел, болезнь какая-то заключенных косила. Отец тоже заразился. Мама как раз приехала на свидание с ним. А ему уже девятый день пошел, как схоронили. Вернулась домой, как на несколько лет постарела. Мне тогда тринадцатый год шел, так и стала работницей, матери помощницей. Старшая сестра Александра болела, так она по дому, что могла, делала, а я уж с матерью всюду. В школу не ходила, не в чем, да и когда тут учиться?.. Брат Петр тоже не ходил в школу. Грамоту мы постигали дома. Я сначала из спичек училась буквы складывать, потом слоги, слова: «Тятя, мама...» Мы отца звали не папа, а «тятя». Так вот одновременно училась и читать, и писать, а еще знала наизусть много старинных песен, которые пели женщины в селе.

Петр же начал учиться, когда у нас в доме стали собираться верующие. Сначала, после того, как церковь закрыли, они собирались у бабушки Феклы. Да однажды мама пришла к ней и видит, та стоит, а из - под доски – вода. Это как раз на Страстной неделе было. Бабушка и говорит маме: «Давай, у тебя собираться будем, у меня, видишь, в подполе вода. Даже доски пола заливают...» Мама согласилась. Когда верующие начали приходить к нам, Петр живо заинтересовался всем происходящим, особенно, ему книги церковные нравились, хотя из-за глазной болезни ему буквы различать было трудно. Он больше на слух запоминал. Так и постигал грамоту, начиная со старославянского языка. Потом у нас долгое время хранился букварь, тоже старинный. Петр оказался способным к науке. Соберутся в доме сельчане, он - на печку и внимательно слушает. Запоминает молитвы. Когда в Атемаре вновь открылась церковь, он сразу пришел туда, помогал священнику до и во время службы. К тому же, талант к мастерству у него был явно от отца. Когда подрос, всему Атемару делал рамы, двери, кто что попросит. Всем старался помочь. Но, мягкий по характеру, мог, если требовалось, проявить несгибаемую волю. Помню такой случай. Летом Петр помогал пасти стадо вместе со сверстниками... Подростковая жестокость - вещь страшная. Некоторым ребятам не нравилось, что Петр отличается от них тем, что не курит и не ругается. О том, как его обижали, брат нам не рассказывал. Лишь однажды случайно мама заметила, что у него обожжены губы. Тут уж заставила все рассказать. Оказалось, его так пытались заставить курить. Но ни разу мы не слышали от Петра жалоб на своих обидчиков. Он вообще был очень молчаливый. И умел прощать людям...

ЕЛЕНА СЕВАСТЬЯНОВА.